
В.М. Головач

**ЗАПАДНОРУСИЗМ
КАК КОНЦЕПЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОГЕНЕЗА**

Головач Валерий Михайлович – аспирант Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Среди проблем, которыми сопровождается эволюция Союзного государства России и Беларуси, важное место занимает вопрос о корнях этнической природы белорусов – об их идентификации и самоидентификации по отношению к «великорусскому субстрату» исторической России. Понятно, что при полиэтничности Беларуси и особенностях ее исторического развития тема этногенеза белорусов очень скоро оказалась идеологически нагруженной. В общем плане определилось противостояние двух идеологем – «особой близости белорусов и русских», с одной стороны, и «коренных различий в исторических путях двух этносов» – с другой. Элементы первой идеологемы легко обнаруживаются в современной исторической науке Беларуси и политических воззрениях тех общественных сил, которые выступают за дальнейшее сближение с Россией, элементы второй – у белорусской политической оппозиции, внутренней и зарубежной.

При анализе заявляемых позиций, особенно когда они выражаются в крайних формах, легко заметить один теоретический дефект, равно присущий обоим лагерям: по большей части каждый из них апеллирует к «своему» периоду истории Беларуси, а в рамках этих периодов – к истории разных страт общества. «Националисты» акцентируют историческое значение тех времен, когда белорусские земли находились в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой; в центре их внимания так или иначе оказываются исторические судьбы высших слоев тогдашнего белорусского общества, их оппоненты апеллируют к общим историческим корням «белорусов» и «русских» сначала во времена Киевской Руси, а затем нескольких веков пребывания Белой Руси в Российской империи; фокус внимания при этом перемещается на «белорусский народ» – по существу, на белорусское

крестьянство. При таких различиях исходных установок ясно, что обозначенные идеологемы ни к какому общему знаменателю прийти не могут и «спор славян между собою» оказывается заведомо бесплодным.

Необходимо, однако, отметить, что и для последовательного научного анализа историческая картина развития белорусского национального самосознания крайне сложна. Белорусский этнос исторически весьма поздно пришел к самоназванию «белорусы»: в обществе этот этноним не имел хождения вплоть до первых десятилетий XX в. Как в 1903 г. писал этнограф Евфимий Карский, «в настоящее время простой народ в Белоруссии не знает этого названия. На вопрос, кто ты? простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он “тутэйшій” (tutejszy) – здешний» [1, с. 116].

В связи с обсуждаемой темой особый интерес приобретает та попытка уяснить характер белорусского этногенеза и особенностей исторического пути народа, которая с конца XIX в. выразилась в особом интеллектуальном движении, называвшем себя западнорусизмом (от *Западная Русь*, как с XIX в. обозначался ареал белорусских и украинских земель у историков того времени).

Центральная идея западнорусизма заключается, собственно, в одном: белорусы есть особая часть единого славянского суперэтноса – часть, связанная с великороссами отношениями крайне тесной межэтнической близости. Сегодня такое представление может показаться вполне самоочевидным, но для полиэтничной и поликонфессиональной среды, характерной для исторической Беларуси, потребовалось два с лишним столетия, чтобы именно такое представление стало доминантой общественного сознания. Исходной точкой в этом длительном историческом процессе стал XVIII век, когда начали складываться первые предпосылки к отделению белорусских земель от Речи Посполитой и к пониманию того, что белорусы есть этнически вполне самобытная народность, отличная от этносов, населявших польское государство.

Современные белорусские историки усматривают наиболее ранние тенденции к формированию западнорусской идеи в деятельности церковных иерархов, служивших делу православия в белорусских землях. Прежде всего это архиепископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий Конисский, сегодня в Белорусском экзархате Русской православной церкви причисленный к лику местночтимых святых.

Деятельность Георгия Конисского (1717–1795) протекала в исторической ситуации, которая была порождена так называемым «диссидентским вопросом» в межконфессиональных отношениях внутри Речи Посполитой последних десятилетий ее существования. Под диссидентами здесь понималось все христианское неримскокатолическое население республики, включая, естест-

венно, и православных. «Диссиденты» в разной степени дискриминировались, православные же, которые не приняли Брестской церковной унии 1596 г., вообще находились вне закона и подвергались прямым гонениям. Против такого положения дел и «восстал» Георгий. В 1762 г., присутствуя на коронации Екатерины II в Москве, он просил императрицу встать на сторону православных в Польше, а через три года выступил в защиту православия перед новым польским королем Станиславом Понятовским. Поскольку Понятовский был, по существу, креатурой Екатерины II, ситуация открывала пути и к разрешению «диссидентского вопроса» в Польше. На Сейме 1767–1768 гг. епископу Георгию удалось добиться принятия решений, уравнивавших положение «диссидентов», включая православных, с правами «римско-католиков», но в стране началась гражданская война, и ему пришлось перебраться на территорию России. В родной Могилев он вернулся лишь в 1772 г. – после первого раздела Речи Посполитой.

Судьба еще раз сведет владыку Георгия с Екатериной II в 1780 г., когда во время ее пребывания в Могилеве он «поверг к стопам императрицы» проект указа, позволявшего переход униатов в православие. За три последующих года к православию на сегодняшних белорусских землях присоединилось свыше 100 тыс. человек¹.

Другой фигурой, с которой сегодняшняя белорусская историография связывает зарождение ранних предпосылок к становлению западнорусской идеи, был епископ Виленский Иосиф (Семашко) (1799–1863) – с 1840 г. архиепископ и с 1852 г. митрополит Литовский и Виленский. Церковная стезя Иосифа была сложной и противоречивой: начинал он со священства в греко-католической церкви, где в 1829 г. был возведен в сан епископа. При этом двумя годами ранее по предложению российского правительства им была подготовлена записка с проектом постепенного присоединения униатской церкви к православию. Проект был рассмотрен и одобрен Николаем I, затем последовала основательная реформа органов управления греко-католической церкви на белорусских землях. При деятельном участии владыки Иосифа среди униатского священства началось широкое движение за переход в православие, высшей точкой которого стал Полоцкий собор 1839 г., когда свыше тысячи духовных лиц обратились к российскому императору с прошением о присоединении униатской церкви к православию. Прошение было одобрено, далее последовал специальный Акт и отчеканена памятная медаль с надписью «Отторгнутые насилем (1596) воссоединены любовью (1839)». В ближайшие же годы в православие перешло свыше 1600 бывших униатских прихожанин и более чем полтора миллиона верующих. Владыка Иосиф позднее

1. Георгий (Конисский), архиепископ Могилевский. – Православие.Ru [Электронный ресурс] / Режим доступа – www.pravoslavie.ru/archiv/archiereology03.htm

так описывал свои мотивы и чувства этого времени: «Я с детства имел... душевное влечение к России и всему русскому... Неизмеримая Россия, связанная одною верою, одним языком, направляемая к благой цели одной волею, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого споспешествовать считал я для себя священным долгом – вот сила, которая подвигла меня на воссоединение униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа... Пламенное усердие к этому делу в течение 12 лет (1827–1839) постигло все мое существование»².

Параллельно церковному течению, в лоне которого формировались предпосылки западнорусизма, связываемые здесь с православием, со временем получило развитие движение, которое можно определить как научно-публицистическое. Собственно, именно в этом движении и были сформулированы основные постулаты западнорусизма и возник сам термин «Западная Русь». Основоположником и «классиком западнорусизма» считается историк, публицист и издатель Михаил Осипович Коялович (1828–1891).

Уроженец Гродненщины М. Коялович в зрелые годы долгое время занимал кафедру русской истории Санкт-Петербургской Духовной академии, где и получил возможность на основе обширнейших архивных и библиотечных материалов изучать историю Беларуси. Итогом стало несколько основательных исследований и бесчисленное множество статей в журналах. В «Лекциях по истории Западной России» и предисловии к «Документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России и Польше» автор проводил три главные мысли, а именно: 1) земли белорусов есть «Западная Русь» – органическая часть «русской цивилизации», 2) соединение этих земель с Речью Посполитой повлекло за собой глубочайшее социальное и культурное расслоение западнорусского общества и 3) крестьянское население Западной Руси всегда испытывало тяготение не к Польше, а к Велико-россии. Пребывание западнорусского общества в Польше «привело к разделению его национальных, религиозных и культурно-бытовых начал жизни»³, когда оно раскололось на «знатнейших» (шляхту), почти исключительно католиков, и простой народ, упорно державшихся православия и «русскости».

Во всем этом М. Коялович опирался на строгий анализ исторических документов, прежде всего местных летописей, часто помещавших «Повесть временных лет» Нестора как отправную точку собственного летописания. Позже на белорусских землях, отмечает М. Коялович, уголовные, наследственные и иные дела часто разрешались на основе «Русской правды» Ярослава

2. Цит. по: Иосиф (Семаико) – Древо. [Электронный ресурс] Режим доступа – <https://drevo-info.ru/articles/6368.html>

3. Цит. по: М.О. Коялович и И.С. Аксаков о проблеме Западной России. [Электронный ресурс] Режим доступа – www.aksakov.info/index.php?id=237

Мудрого [4, с. XXVIII). В летописном «Похвальном слове Витовту» общеславянское единство подчеркнуто во фразе о том, что он держал великое княжение «Литовское и Руское и иные многие земли, спросту реку уся Руская земля» (т.е. «попросту сказать, владел всей русской землей») [6, с. 108]. Находится множество исторических свидетельств о том, что жители белорусских земель резко отличали себя от поляков и литовцев, но не от «великороссов». Более того, «русскими» подчас называли себя все жители «белорусского племени» даже без различия вероисповедания, что отразилось во многих челобитных. В Статуте Великого княжества Литовского обнаруживается запись о том, что земский писарь «мает по-руску литерами и словы рускими» писать все документы, в то время как судей следует выбирать из шляхтичей «умеетных в праве и писме русском». «Русский язык», таким образом, предстает равноправным языком делопроизводства вплоть до 1696 г., когда он был официально лишен этого статуса.

Итак, резюмирует М. Коялович, «простая мова» на белорусских землях повсеместно понималась как «руская» и этот язык всем своим грамматическим строем – склонениями и спряжениями – был близок к «великорусскому наречию». Конечно, и в лексике, и в фонетике он нес на себе следы, подчас сильные, польского влияния и потому его точнее всего называть западнорусским языком. И все же «в древней западнорусской литературе везде и во всем – одно великое, объединяющее всех русских слово – Русь. Эти памятники, эта литература, почти вся на таком языке – западнорусском, который был общим для всей западной России и слился потом с общерусским литературным языком» [3, с. 24].

Белорусские земли, подчеркивает М. Коялович, тяготели к Московии и экономически. «К цельному русскому народу тянет население Западной России русская торговля, более насущная для всей этой страны, чем торговля ее с западными соседями» [3, с. 11].

Наконец, не подлежит сомнению близость, хотя и не полная тождественность, народных традиций и обычаев. «Этнографические изыскания вполне подтверждают народное единство русского населения Западной и Восточной России. Народные песни западнорусского народа, например, о Владимире, народные мифические обряды, как празднование Святков, Юрьева дня, Купалы, обряды свадебные и похоронные поражают своим сходством с восточно-русскими» [4, с. XX].

Прочную основу систематического этнографического анализа западнорусская идея получила в трудах Евфимия Федоровича Карского (1861–1931). Выходец из Гродненского уезда, он, как и многие другие белорусы, работал в разных местах «Южного края», пока, наконец, в 1901 г. не был избран членом-корреспондентом Императорской Российской академии наук. В 1903 г. он предпринимает основательную этнографическую экспедицию по

белорусским землям, после чего издает первый том своего главного труда – «Белорусы» (всего вышло три тома, или семь выпусков), сегодня считающегося «энциклопедией белорусоведения». Отталкиваясь от того факта, что белорусский говор достаточно определенно отличается от литовского на севере края, польского – на западе, от украинского – на юге и от великорусского на востоке, филолог систематизировал эти различия и составил своего рода языково-этнографическую карту фактического проживания белорусов к началу XX в., основываясь также на таких критериях, как типы одежды, фольклор, традиции и обычаи. Еще раз было подчеркнуто, что на границе с поляками белорусы называли себя исключительно «русью», хотя на других языковых границах могли употребляться и употреблялись другие самоназвания или названия (характерно при этом то, и на это Е. Карский обратил особое внимание, что в ряду этих самоназваний не было самоидентификации «белорус»). На начало XX в. исследователь насчитал 8,5 млн белорусов, в большинстве своем исповедовавших православие. Общий вывод Е. Карского заключался в том, что белорусы есть «разновидность русского племени» [2, с. 396], хотя и с ярко выраженными национальными особенностями.

На момент выхода исследований Е. Карского западнорусизм уже безоговорочно господствовал в среде белорусских публицистов и литераторов, группировавшихся вокруг целого ряда периодических изданий, таких как «Вестник Западной России», «Крестьянин», «Украины России», «Северо-западная жизнь», «Минское слово», «Минское русское слово» и «Белорусский вестник». После 1917 г., однако, ситуация резко изменилась. В советской пропаганде, а потом и историографии, укрепился тот взгляд, что западнорусская идея была недостаточно «национальна», а в рамках политики «коренизации управления на местах», проводившейся на всех национальных окраинах бывшей Российской империи, это становилось серьезным обвинением. С 1920-х годов в крае был взят курс на «белорусизацию». Лозунги этого курса звучали вполне привлекательно: «продвижение белорусского языка в общественной и государственной жизни», «развитие культуры на всех языках народов Белоруссии», «преподавание на языке преобладающего большинства населения Беларуси – белорусском языке» и т.п. При этом, однако, совершенно игнорировалось то, что «белорусский язык» был фактически представлен различными говорами, а единого, должным образом унифицированного, литературного языка в республике не существовало. Не было и кадров, которые могли бы обеспечить преподавание на белорусском в школах республики. На громадные сложности натолкнулось делопроизводство на «национальном языке». В белорусских городах основным, почти безраздельно доминирующим, языком оставался русский.

Среди прочего, новая политика отразилась и на судьбах тех, кто придерживался традиционных позиций западнорусизма. Так, Е. Карского «по поли-

тической неблагонадежности» уже в 1919 г. уволили из Минского педагогического института, где он тогда работал, а затем подвергли травле как «черносотенца» и «шовиниста». В 1927 г. ЦК ВК(б)Б поставил вопрос об исключении ученого из Академии наук и в 1929 г. он лишился своей последней научной должности. В белорусской советской историографии на десятилетия вперед установилась оценка западнорусизма как «буржуазно-клерикальной» теории.

Научная ситуация вновь изменилась в 1990-х годах, когда историки современной Беларуси один за другим стали обращаться к наследию своих дореволюционных предшественников и вокруг западнорусской идеи сформировалась целая плеяда исследователей. Речь, конечно, не идет о простом воспроизведении постулатов прошлого, – сегодня это новая научная концепция, обозначаемая как «неозападнорусизм». Но своих предтеч и предшественников эта новая волна видит именно в таких фигурах, как М. Коялович, Е. Карский и многие иные их единомышленники XIX–XX вв. В духе западнорусской идеи выдержана основательная «История Беларуси. Досоветский период», автор которой – Я.И. Трещенок – по праву считается наиболее крупной фигурой новейшей белорусской историографии. Многие белорусские историки даже усматривают в западнорусизме своего рода национальную идею белорусов⁴. Западнорусская идея широко обсуждается в СМИ. Так, например, белорусский писатель Андрей Геращенко, говоря об «эндогенности» западнорусизма для белорусского общества, специально заостряет связь этой темы с языковой проблемой: «Западнорусизм и сегодня, и всегда был актуален для подавляющего большинства православного населения Белоруссии... Причем в подавляющем большинстве случаев воплощение идейных установок западнорусизма происходит тогда, когда люди, интуитивно придерживаясь западнорусской точки зрения, не имеют о ней ни малейшего представления как о научно-теоретической концепции, идеологии... Нескольким волнам белорусизации оказались провальными – и предвоенная, и послевоенная, и третья – уже в девяностых годах прошлого века, потому что белорусы и ментально, и на бытовом уровне чувствовали себя частью русского народа. Красноречивы итоги переписи населения Белоруссии 2009 г.: из чуть более 9,5 млн человек населения (на то время) на русском дома разговаривают 70,2%, на белорусском – 23,4% жителей... В городе, кстати, на русском обучается уже 98% первоклашек»⁵.

4. См., напр.: Еловик А. В поисках духовных скреп. Западнорусизм как белорусская национальная идея. – *Беларуская думка*. – № 3. – 2014. – С. 48–51.

5. Андрей Геращенко: *Белорусы продолжают свою вековую борьбу за воссоединение с русским народом*. [Электронный ресурс] Режим доступа – egnum.ru/news/polit/1491109.html

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Сегодня вопросы этнической самоидентификации в белорусском обществе широко изучаются в республиканской социологии. Интересные данные на этот счет находим в исследовании Л.И. Науменко «Белорусская идентичность». По опросам общественного мнения, автором выявлено, в частности, что наиболее значимым критерием идентификации для белорусов выступает «территория проживания» (30,7% опрошенных отмечали этот фактор как то, что в «большой степени», и еще 47,6% как то, что в «максимальной степени» объединяет их с соотечественниками). В графе «максимальная степень» далее следуют «привязанность к родной земле» (42,8%), «общее государство» (38,3), «общее этническое происхождение» (32,1), «общие национальные интересы» (28,7), «родной язык» (27,9), «национальная культура» (27,7), «уважение исторических традиций» (24,7), «чувство национального единства» (23,7), «психология, черты характера» (21,5) и «религия» (19,8%) [5, с. 51]. Объединение двух близких по сути критериев – «территория проживания» и «привязанность к родной земле» – еще более выпукло показывает, что при несомненной важности иных критериев наиболее важным этноопределяющим признаком для белорусов является территориальный фактор. Как это интерпретируется в духе западнорусизма, вопрос открытый, но во всяком случае ясно одно: идеи «Западной Руси» как специфического территориально-политического образования такие данные ни в малейшей степени не противоречат.

Литература

1. Карский Е.Ф. Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. – Варшава, 1903. – 581 с.
2. Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. – М., 1916. – 571 с.
3. Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. – СПб., 1884. – 349 с.
4. Коялович М.О. Предисловие // Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше. – СПб., 1865. – 272 с.
5. Науменко Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 51.
6. Полное собрание русских летописей: В 39 т. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. – М.: Наука, 1980. – 306 с.